

ФАНИЛЬ ГАЛЕЕВ

О ЧЁМ
МОЛЧАЛИ
ЗВЁЗДЫ

ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Фаниль Галеев

О чем молчали звезды

«Татарское книжное издательство»

2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)-4

Галеев Ф. И.

О чем молчали звезды / Ф. И. Галеев — «Татарское книжное издательство», 2019

ISBN 978-5-298-03937-6

Читателю предлагается фантастический роман, написанный в жанре детектива. События в романе разворачиваются после загадочного исчезновения участкового инспектора Закирова, которое растянулось на несколько десятилетий. Книга предназначена для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)-4

ISBN 978-5-298-03937-6

© Галеев Ф. И., 2019
© Татарское книжное издательство, 2019

Содержание

Часть первая	6
Трудная ночь	6
Без вести пропавший	12
Незванный гость	23
Клад	29
Эссина	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Фаниль Исламович Галеев

О чём молчали звёзды

© Татарское книжное издательство, 2019

© Галеев Ф. И., 2019

Часть первая

Трудная ночь

Считать Землю единственным населённым миром в беспредельном пространстве было бы такой же вопиющей нелепостью, как утверждать, что на громадном засеянном поле мог бы вырасти только один пшеничный колос.

Метродор, II век до н. э.

Осмотрев с председателем колхоза недоубранные поля, проверив зерноток и машинный двор, участковый инспектор Закиров вернулся в свой служебный кабинет, расположенный в приземистом кирпичном здании местного самоуправления, и, убрав в сейф скопившиеся за день бумаги, выехал домой.

После председательского джипа его старенький, заезженный мотоцикл казался всего лишь детской коляской, и каждая ямка, каждая кочка на поверхности неухоженной просёлочной дороги живо напоминали о своём существовании.

Село уже было в объятиях тёплой летней ночи. Усеянное звёздами небо сохраняло по краям бледные оттенки, и дома, деревья, телеграфные столбы на фоне этой угасающей бледности казались тёмными, плоскими, словно вырезаны из чёрного картона и наклеены детскими руками на лик небосвода.

Вот уже впереди овраг, на дне которого перекинутый через маленькую речушку бревенчатый мостик, за ним – подъём, а ещё выше, на горке, – небольшая узенькая улочка со старым магазином и старыми домами, словно своё название Старые Кизяклары село получило благодаря им. Оттуда до его дома рукой подать.

Жена с сынишкой, небось, уже заждались. Асия ещё днём звонила, просила приехать пораньше, обещала белишей напечь. Да разве с работой так быстро справишься?..

Миновав мостик, мотоцикл его стал медленно подниматься в гору.

Неожиданно луч фары выхватил из темноты силуэты двух людей. Пригнувшись и неуклюже прикрывая локтями лица, они торопливо несли что-то со стороны магазина к стоявшему у края дороги жигулёнку.

– Э, что это они там делают? – сразу же ёкнуло сердце участкового, и он прибавил газу.

В ту же минуту двое, бросив свою ношу, подбежали к машине и, открыв дверцы, разом исчезли в чреве салона. Машина с выключенными фарами, заурчав, рванулась с места, в считанные секунды достигла конца улицы и, сделав крутой вираж, скрылась за поворотом.

Подъехав к месту, откуда скрылись «жигули», Закиров на мгновение остановился, окинул взглядом полуоткрытую дверь, тёмные окна магазина, лежащий на земле боком ящик с вывалившимися из него бутылками и, поняв всё, выкрутил ручку газа...

Первые минуты погони не принесли желанного успеха. Преступники, похоже, хорошо знали местность и выбирали наиболее удобные и благоприятные пути для бегства. Да и человек, сидевший за рулём автомобиля, чувствовалось, был асом своего дела. Как бы там ни было, а настигнуть беглецов до выезда из села не удалось и теперь продолжать погоню предстояло на открытом участке, где тон всему задавали маневренность, хорошее зрение и высокая скорость, чего участковому с его мотоциклом как раз и не хватало: пыль и ветер били ему в глаза, коляска мотоцикла мешала делать резкие повороты. Видимо, сознавая своё преимущество, преступники, ехавшие в темноте, решили больше не рисковать, включили фары и теперь уже неслись вперёд уверенно, без всяких опасений.

Участковый старался не отставать, с каждой минутой пусть и не намного, но всё же сокращая расстояние между мотоциклом и автомобилем.

Они мчались по пшеничному полю. Дальше начинался лес.

Участковый мысленно прикинул: если преступники, проехав поле, свернут вправо и поедут по краю леса, то они спасены. Минут через десять они доберутся до шоссе и потом, следуя по ней, выедут на оживлённую автотрассу, а там – ищи ветра в поле. Если же беглецы, желая сократить расстояние, двинутся напрямик через лес, то, сами того не ведая, попадут в ловушку. Дорога эта ведёт в Волчью лощину, там речка, а мост через неё недавно закрыли на ремонт. Попади беглецы туда – он накроет их, как куропаток.

Полоска света от движущегося впереди автомобиля как бы замерла на миг, зависла над полем. Затем она задрожала, словно испугавшись чего-то, и, высветив из темноты стволы деревьев, тихо и плавно растворилась между ними.

– Ага! – обрадовался участковый. – Значит, всё-таки решили ехать через лес. Видать, не слышали ещё про мост... Ну слава Аллаху! Теперь им от меня никуда не уйти!

Осталась позади лесная опушка, и в ноздри уже бил прохладный, сыроватый воздух, напоенный запахом трав и прелой листвы. Дорога, ровная, мягкая, как сыр, тянется через узенькую лесную просеку, стиснутую с обеих сторон стройными рядами деревьев, утопающих в тонкой голубоватой дымке.

Закирову не раз приходилось ездить по этой дороге. Он знал, она никуда не сворачивает, всё время идёт прямо.

Уверенный в себе участковый как-то расслабился и, подняв голову, мечтательно посмотрел по сторонам.

Удивительная игра природы! И этот окутанный ночной мглой лес, и эта окружённая безмолвными деревьями дорога, и эти звёзды в вышине над просекой, похожие на стаю светящихся моллюсков, напоминали ему сейчас дно глубокого океана, а сам он, казалось, не едет, а плывёт сквозь толщу чистой, прозрачной воды, любуясь и наслаждаясь красотами подводного мира.

Фантазия настолько захватила его, что он забылся на какое-то мгновение, потерял бдительность, и когда, опомнившись, посмотрел вперёд, то увидел сваленную на дорогу берёзу, шлагбаумом перекрывавшую ему путь.

Остановить мотоцикл было уже невозможно.

– Сукины дети! Всё же перехитрили! – успел подумать он, резко поворачивая руль вправо. Что было дальше – он не помнил. Его вышибло из сиденья и отшвырнуло куда-то в сторону, в темноту...

Очнувшись, он сразу же схватился за правый бок. Рука его нащупала гладкую поверхность кобуры и внутри неё твёрдое, массивное тело пистолета. Слава Аллаху, на месте!

Только после этого он переключился на себя: сразу же ощутил под собой мшистую, пахнущую грибами землю, на губах липкую солёную кровь, почувствовал боль в спине и пояснице.

Приподняв голову, Закиров огляделся. Поблизости никого не было. Опёршись о землю дрожащими руками, он стал подниматься. Тяжелее всего было поднять голову. Её словно залили свинцом. Поднявшись, он стоял некоторое время, пошатываясь и тупо разглядывая окружавшие его деревья. Ему никак не удавалось определить, где он находится.

Наконец взгляд его упал на жёлтое брюшко коляски лежавшего в кустах мотоцикла, и он, вспомнив, что произошло, стал потихоньку прояснять ситуацию. «Раз я перед падением повернул мотоцикл вправо, – про себя рассуждал он, – значит, просека и дорога должны быть слева от меня, а там, в глубине, чаща леса.»

Участковый вдруг пригнулся и застыл в напряжённой позе.

Что это?!

Сквозь заросли деревьев, словно прорываясь к нему, струился мягкий, рассеивающийся свет, то угасавший, то вновь возгоравшийся и всякий раз менявший свою окраску. Розовые, клубничные, апельсиновые, сине-фиолетовые цвета сменяли друг друга, словно приводимые в действие опытными руками светотехника.

Вынув на всякий случай пистолет, Закиров тихо, крадучись, как кошка, нырнул в глухую темь леса. Он шёл, натываясь на пни и кустарники, шёл настойчиво, самозабвенно, словно одержимый, и с каждым шагом его всё больше одолевало желание скорее достичь заветной цели, узнать, что там за деревьями – удача, беда, чудо, опасность...

Свет впереди становился всё ярче и ошутимей. Теперь он уже как бы легко пробивался сквозь листву, свободно лился навстречу участковому, обдавая его каким-то непередаваемо нежным теплом, проникавшим во все его мышцы и клетки и отзывавшимся мягким, приятным покалыванием в кончиках пальцев.

Закиров был словно в состоянии какого-то опьянения. Он уже не шёл, а рвался вперёд, не обращая внимания на безжалостно хлеставшие его ветви кустов и деревьев.

Рывок, ещё рывок – и вот он на широкой лесной поляне.

Неожиданно в глаза ему ударил нестерпимо яркий луч. Закрыв рукой лицо, он отпрянул назад и начал неистово кричать...

Замешательство его длилось недолго. Словно очнувшись от короткого обморока, он, приоткрыв лицо, устремил взгляд в центр поляны и не поверил своим глазам. Там на тонких раздвинутых ножках, переливаясь всеми цветами радуги, стояло некое странное сооружение дискообразной формы с пояском выпуклых округлых окон посередине, источавших бледное жёлто-голубоватое сияние.

Под диском виднелся люк овальной формы, от которого к земле спускался невысокий конусообразный трап.

Откуда-то изнутри диска доносилась чуть приглушённая музыка, похожая на электроорганную, но непривычная для слуха человека. Была она и быстрая и медленная, и весёлая и грустная, и невозможно было уловить в ней хотя бы одно знакомое созвучие.

– Ох уж мне эти новые русские! – с придирчивостью исправного милицейского служаки проговорил Закиров, осенённый пришедшей в голову догадкой. – Денег им некуда девать. Уж так иногда размахнутся! Светомузыку им подавай, лесное кафе на ножках...

Не успел он об этом подумать, как вдруг его сознание молнией пронзила мысль:

– А что, если это не кафе, а летающая тарелка? Пришельцы. О них везде сейчас и говорят, и пишут...

И тут, словно подтверждая его очередную версию, с противоположной стороны леса вышли трое в белых сияющих одеяниях, небрежно посмотрели в его сторону и, не обращая на него никакого внимания, направились к стоящему посреди поляны странному сооружению. Двое из них, поднявшись по трапу, исчезли в проёме люка. Третий же, остановившись, оглянулся назад, точно забыв там что-то.

– Эй, гражданин! – неожиданно прокричал Закиров.

Существо в белом не ответило ему и, будто вовсе не слыша его, спокойно направилось к трапу.

Закирова словно всколыхнуло. Теперь в нём заработал инстинкт добросовестной милицейской ищейки.

В его сознании, подобно кинокадрам, пронеслись недавно пережитые моменты: магазин, машина, фигуры спешащих к ней людей, погоня, накатывающаяся на глаза пыльная дорога...

Он мгновенно выскочил на поляну и закричал теперь уже грозно, требовательно, размахивая сжатым в руке пистолетом:

– Стой! Стрелять буду!

Фигура в белом остановилась, постояла, словно ощупывая его взглядом, затем, помахав рукой, продолжила путь в сторону трапа.

Участковый бросился вперёд.

– Стой, говорю! Ни с места! Пистолет заряжен!

Он побежал к центру поляны, но, преодолев несколько метров, вдруг почувствовал, что на грудь ему стала налегать какая-то тяжесть, как будто воздух, который он так легко и свободно рассекал руками и плечами, сжался и встал на его пути невидимым барьером. И чем быстрее он бежал, тем более осязаемой и непреодолимой становилась эта преграда, а одновременно с этим, казалось, меркло и угасало его сознание.

Он помнил лишь, как упёрся грудью в огромную невидимую оболочку, прильнув к ней всем телом, раздвинул по сторонам руки, как бы пытаясь обнять её, и тут же погрузился в сон – сон дивный, фантастический...

...Он висит, держась руками за недоступную взору воздушную оболочку. Глаза его открыты и устремлены в тёмное звёздное небо. И из этой темноты вдруг медленно, словно проявляясь на цветной фотобумаге, появляется лицо изумительной по красоте незнакомой женщины. Он никогда не видел такой красивой женщины! Ни во сне, ни наяву.

Эту смуглую с золотистым отливом кожу, эти огромные блестящие фиолетовые глаза, казалось, и невозможно было увидеть на земле, где живут обыкновенные люди. Эти иссиня-чёрные шелковистые волосы, это чистое, словно вымытое утренней росой, лицо с тонким, чуть вздёрнутым носиком и маленькими розовыми губками невозможно было создать ни плотью, ни разумом, ни руками человека.

Это прелестное женское личико источало какую-то небесную доброту и мудрость, отчего казалось ещё более обворожительным.

Некоторое время незнакомка смотрела на участкового инспектора молча, чуть улыбаясь краешком губ, потом улыбка сошла с её лица, и тут же в глубине его мозга, его сознания прозвучал самый прозаичный, самый земной вопрос:

– Кто ты? Кто ты?

Губы участкового невольно приоткрылись, и он совсем тихо, не слыша своего голоса, проговорил в ответ:

– Я участковый инспектор Закиров... Участковый инспектор Закиров...

– Что случилось? Что случилось?

– Ограблен магазин на улице Нагорной. Преступники скрылись...

– Кто они?

– Не знаю.

– Где они?

– В Волчьей лощине... В Волчьей лощине...

Он видит, как женщина снова улыбается, опускает ресницы, и глаза его медленно застилает серебристый туман...

– Вставай, Закиров! А ну вставай! – Кто-то сильно потряс его за плечо.

Участковый медленно открыл глаза и увидел склонившееся над ним красновато-прыщавое лицо майора.

– Здорово тебя потрясло! – Майор помог ему подняться. – Мотоцикл изрядно помяло. Ну ничего. Хорошо, что сам ещё жив. И пистолет при тебе. А мы, как получили сообщение, сразу выехали на двух машинах. Тех бедолаг взяли прямо там, в лощине, и отправили на автозаке в райотдел. И кто бы ты думал? Петрухин с двумя своими городскими приятелями, чтобы их...

Встряхнув головой, участковый обвёл вокруг себя затуманенными, ничего не понимающими глазами: майор, рядом с ним – молоденький усатый лейтенант. Чуть подальше, у

дороги, – милицейский узик. Возле него – здоровенный сержант со скрещёнными на груди руками, водитель автомобиля.

– Где вы нашли меня? – вяло, сумрачно, как после горького похмелья, спросил участковый.

– Как где? Здесь и нашли, когда ехали обратно, – пожал плечами майор.

– А берёза на дороге?

– Мы её ещё в самом начале убрали...

– А та женщина?

– Какая женщина?

– Ну, та... На поляне. Диск там ещё был, большой такой... Люди в белом...

– Э, брат, да ты никак крепко башкой оземь ударился!

Лейтенант, чуть подтолкнув локотком майора, с укором посмотрел на него:

– Вы уж не очень-то, товарищ майор! Видите, коллега ещё не совсем в себе...

– Ладно! – довольно потёр руки майор. – В себе, не в себе, а ворюг мы цапнули. Участкового нашли. Дело, как говорится, в шляпе. Давайте все в машину!

А за твоей зашибленной каракатицей мы потом трактор с тележкой пошлём. Да, а где же наша Диана? – Он по-свойски подмигнул участковому. – Мы тут на всякий случай служебную собаку с собой прихватили. Бегает где-то здесь, шельма!

Услышав голос хозяина и произнесённое в её адрес нелестное словечко, из-за кустов выскочила огромная немецкая овчарка. Шерсть на ней была вздыблена и будто бы даже чуть светилась в полумраке. Сжимая что-то в зубах и жалобно скуля, она подбежала к майору и, приподняв морду, послушно улеглась перед ним на лапы.

Майор нагнулся.

– Хе, что это ты принесла, дорогуша? Уж не букет ли цветов? Ну и ну! Ты что, сама их собирала в лесу?

Довольный своей шуткой майор зычно засмеялся.

Молоденький лейтенант и на сей раз не поддержал его шутивого тона.

– Кто бы ни собирал, – сказал он серьёзно, не по чину строго, – а полагается этот букет нашему участковому. Хоть сам и пострадал, а вывел нас на след преступников...

Недоумённо пожав плечами, майор вынул букет из пасти собаки и протянул его Закирову.

Молча взяв букет, участковый вздрогнул, ощутив какой-то резкий толчок и разлившееся по телу хорошо знакомое ему тепло. Перед его глазами промелькнули лесная поляна, играющий цветами радуги огромный диск, направляющиеся к нему две фигуры и одна... стоящая чуть в стороне в растерянности и нерешительности.

«Собрала себе букет земных цветов на прощанье и обронила где-то по дороге...» – с нежным сочувствием подумал он.

Нет, он всё ещё не мог поверить в случившееся и устало, вымученно закрыл глаза.

– Ну, будет тебе хандрить! – уже снисходительно, без тени иронии сказал майор, положив руку ему на плечо. – Поехали! Видишь, сержант наш совсем заскучал!

Узик, оставив позади лес, выехал на открытое поле, по которому ещё недавно, преследуя преступников, лихо мчался на своём мотоцикле участковый.

Сам Закиров сейчас почему-то не хотел думать об этой погоне. И вообще в данный момент он не хотел вспоминать о своей работе.

Перед его глазами всё ещё стоял образ той таинственной и пленительной женщины, столь дивным образом представшей перед ним; ему хотелось созерцать и созерцать, хотя бы мысленно, её глаза, волосы, улыбку, которые он не сможет забыть никогда, до конца своей жизни.

– Вот паразиты! – опять воспрянул майор, сидевший впереди, рядом с водителем и доселе молча смотревший в окно. – Мало того, что магазин грабанули, тебя вместе с мотоциклом под

откос пустили, так ещё коготки пытались нам показать, когда мы их брали. Сержант наш – молодец! Настоящий каратист! Быстро загнул им салазки!

В ответ на эти слова сержант довольно крикнул.

– А кто вам сообщил, что они в Волчьей лошине? – рассеянно, будто сквозь сон, спросил участковый, понимая, что одним молчанием от майора не отделаешься.

– Ну ты даёшь! – сказал майор, повернувшись к нему и посмотрев с недоумевающей улыбкой на лейтенанта. – Сам же сообщил и не помнит? Ну, брат...

– Как же я мог сообщить, если сразу пустился в погоню и у меня под рукой не было ни рации, ни телефона? – возразил участковый, уже раскаиваясь, что откликнулся на реплику майора.

– Ну, а это что? – Майор вытащил из кармана магнитную кассету и назидательно потряс ею перед участковым. – Я взял её из дежурной части перед самым выездом. Думал, может, пригодится. Тут, брат мой, всё записано! Вот, послушай, если хочешь!

Майор сунул кассету в кассетницу автомобильного магнитофона и, нажав кнопку, самодовольно откинулся на спинку сиденья.

Сначала послышался шум, треск, какие-то невнятные голоса, звуки. Затем после паузы раздался резкий телефонный звонок, и низкий басистый голос пожилого мужчины заученно произнёс:

– Дежурный по райотделу капитан милиции Камалиев слушает!

А в ответ вдруг звучит до боли знакомое:

– Я – участковый инспектор Закиров... Участковый инспектор Закиров. Ограблен магазин на улице Нагорной... Преступники скрылись в Волчьей лошине...

Майор выключил магнитофон и, снова повернувшись, с вопрошающим видом уставился на Закирова.

– Ну, что теперь скажешь?

Участковый инспектор молчал.

Да, это был его голос. Это были его слова, которые он говорил там, в лесу, во время своего необычного диалога с незнакомкой.

– Отвезите меня домой. Устал я, – обронил он.

Забыв даже попрощаться, Закиров вышел из машины.

В руке у него был букет ещё не потерявших свежести цветов.

Подойдя к воротам своего дома, он остановился, поднял голову и с тлеющей в сердце надеждой посмотрел в подёрнутую предрассветной синевой высь неба. Там были звёзды. Одни лишь звёзды...

Без вести пропавший

Хайрутдинов посмотрел на часы. До прибытия гостей оставалось полчаса.

Райпрокурор подготовил к встрече необходимые документы, материалы, распорядился насчёт обеда, транспорта, гостиницы, словом, сделал всё, чтобы облегчить и ускорить предстоящее разбирательство. Да, именно разбирательство, иного слова не подберёшь.

Поступившая из прокуратуры СССР в прокуратуру республики жалоба по делу, которым Хайрутдинов и его подчинённые занимались уже более двух лет, была, по-видимому, последней каплей в чаше терпения потерпевшей и потому не сулила местным сыщикам ничего хорошего, кроме трёпки от начальства. Тем более что подобные жалобы поступали в органы прокуратуры и раньше, и писались они не каким-то там отпетым кляузником, а уважаемой в районе сельской учительницей, женой бывшего участкового инспектора милиции, тоже, впрочем, человека весьма порядочного и уважаемого.

Ах, участковый, участковый...

Тяжело вздохнув, Хайрутдинов извлёк из лежащей перед ним папки чёрно-белую фотографию, с которой, чуть улыбаясь тонкими губами, смотрел широколобый, большеглазый молодой человек в форме старшего лейтенанта милиции, и, аккуратно прислонив её к бортику настольного календаря, задумчиво облокотился на боковину кресла.

Сколько раз он, оставаясь после работы, усталый, потерявший всякую надежду на успех, сидел здесь, в своём кабинете, наедине с этой фотографией, простенькой на вид, но загадочной, как портрет Моны Лизы, мысленно ведя диалог с самим собой и с тем, кто исчез так неожиданно, не оставив после себя ни малейшего следа. Но тщетно. Пропавший без вести участковый так же, как и леонардовская красавица, лишь загадочно улыбался и никак не хотел выдавать своей тайны.

А ведь, казалось, ничто не предвещало беды. Парень был что надо, отличался трудолюбием, прямоотой и честностью, никогда не юлил и не замазывал своих грехов. Что же с ним приключилось, какие силы встали на его пути? Неужели всё началось с той банальной кражи из сельмага и последовавшей за ней ночной погони? Что произошло с участковым потом? Жив ли он и есть ли хоть какая-нибудь надежда на его появление?

Да, вопросов много. И, к сожалению, ни одного ответа...

Раздумья прокурора прервали донёсшиеся с улицы звуки подъехавшего автомобиля. Встав из-за стола, Хайрутдинов поспешил в приёмную, где гостей ожидала его секретарь.

И вот дверь со стороны улицы отворилась, в приёмную, сдержанно улыбаясь, вошли двое высоких, солидных мужчин, один – в прокурорской форме, другой – в штатском. Своего коллегу Хайрутдинов узнал сразу же. Это был заместитель начальника следственного управления прокуратуры республики Назаров. Несмотря на свои шестьдесят лет, он выглядел настоящим бодряком, был модно пострижен, наглядко выбрит, форма сидела на нём, словно влитая, резко выделяя очерченный торс и крутые плечи. Хайрутдинов как-то прослышал, что сотрудники аппарата втихаря называют его Аполлоном, чем тот якобы внутренне гордился, стараясь не терять своей физической формы и сохранить присвоенный ему титул.

Его спутник, статный, седеющий мужчина с тонкими чертами лица, интеллигентной бородкой и усиками, представился сам при обмене рукопожатиями. Им оказался Столяров Геннадий Михайлович, кандидат физико-математических наук, член Комиссии планетологии Русского географического общества.

«Разбирательство, видимо, обещает быть серьёзным, раз прислали столь неординарную фигуру...» – смекнул про себя Хайрутдинов, заводя гостей в кабинет.

Был уже полдень. Угостив гостей заранее приготовленными свежими треугольниками и крепким татарским чаем, прокурор усадил их за свой рабочий стол, и они без лишних разговоров приступили к обсуждению главного вопроса.

Первым делом Назаров извлёк из своего портфеля увесистый том уголовного дела и положил его на стол.

– Это вам, Камиль Гарипович, – сказал он ровным, спокойным тоном. – Возвращаю, так сказать, по миновании надобности. Мы внимательно изучили все материалы, доложили руководству. Претензий к вам нет. Розыск Закирова ведётся целенаправленно и по всем направлениям. И хорошо, что свою работу вы постоянно корректируете, исходя из поступающих писем и жалоб. Но...

Назаров сделал паузу.

Хайрутдинов выжидающе смотрел на него, желая скорее узнать, что означает это «но», часто используемое в беседах между прокурорами при возникновении каких-то сомнений или предстоящем опровержении чего-то. Он приготовился к самому худшему. Но Назаров, вопреки ожиданиям, заговорил мягким и вполне дружелюбным тоном.

– Дело в том, Камиль Гарипович, что нам на сей раз придётся резко менять и тактику, и методы своих исследований. – Он посмотрел заговорщицки на сидящего со смиренным видом уфолога. – Вы думаете, мы случайно приехали сюда с Геннадием Михайловичем? Отнюдь нет, друг мой. Похоже, на сей раз нам придётся иметь дело с чем-то запредельным, неземным, как это ни парадоксально...

Наклонившись, Назаров вынул из портфеля кипу скреплённых бумаг.

– Вот, послушайте, что пишет Закирова, – сказал он, перевернув пару страниц, и начал читать, не спеша, громко, делая акцент на каждом слове:

«Знаю, я замучила вас своими жалобами, да и сама порядком устала. Но обещаю, это моё последнее обращение к вам, больше писать не буду. Проверьте только один факт, один-единственный факт, и я успокоюсь. Районная прокуратура и милиция до сих пор не могут найти моего пропавшего два года назад мужа, не обнаружено и его тело, хотя и говорили, что его, возможно, убили или он сам каким-то образом погиб. Всему есть свои причины, но я много думала и никак не могу объяснить те странности, которые появились у мужа после той аварии в лесу. Милицейское начальство ссылается на травму, которую он получил при падении с мотоцикла. Говорили даже, что Амирхан не в своём уме, несколько раз обследовали и лечили его в клиниках, а потом по состоянию здоровья отправили на пенсию. Но это была лишь уловка, на которую пошли, чтобы защитить честь мундира. В подлинных же причинах произошедших изменений в поведении мужа никто до конца разобраться не захотел. Уверяю вас, Амирхан был в здравом уме, не проявлял никакой агрессивности, говорил внятно и осмысленно. Просто было такое ощущение, что иногда кто-то, проникая в его сознание, управлял его волей и действиями.

Да, мы, женщины, частенько бываем чрезмерно подозрительны. К сожалению, и я была такой же, ревновала мужа, допекала его своими расспросами, устраивала скандалы. А он лишь замыкался в себе, куда-то уходил и не возвращался иной раз до утра. Но теперь я, кажется, всё поняла.

Ради бога, не сочтите меня сумасшедшей, но полгода назад я ездила в соседний район к одной старой ясновидящей и поделилась с ней своим горем. Эта скромная, суеверная, прожившая честную жизнь женщина, сказала мне, что Амирхана сначала привадили к себе, а потом похитили инопланетяне. Пожалуйста, не смейтесь, но ведь контакты с НЛО и инопланетянами не отрицаются сейчас даже учёными. После разговора с ней я перечитала много книг и статей на эту тему. Всё сходится: и замкнутость, и охлаждение к семье, и безотчётная тревога. А пробуждения и вскакивания по ночам, неожиданные и необъяснимые отлучки из дома? Ведь эти

признаки были у моего мужа налицо, а они, как известно, характерны для жертв абдукции. И потом, это постоянное влечение к лесу, этот букет цветов, который он принёс в ту ночь...»

– Букет цветов? – неожиданно прервал Назарова уфолог, который до этого сидел с полужакрытыми глазами и, казалось, витал где-то там, в только ему ведомом пространстве. – Что за букет? Его видел ещё кто-нибудь?

– Да, видели работники милиции, – вступил в разговор Хайрутдинов, решив, что вопрос больше относится к его компетенции. – Букет якобы нашла в лесу служебная собака. Потом оперативники вручили его Закирову в качестве приза за проявленную находчивость, а тот передал его дома жене. Букет якобы излучал в темноте голубоватое сияние, а потом куда-то неожиданно исчез...

– Голубоватое сияние... Интересно, – задумчиво проговорил уфолог, затем, как бы отбросив свои мысли, уже спокойно и невозмутимо сказал. – А впрочем, такое случается... Я перебил вас, Анатолий Акимович, извините...

– А что извиняться? В сущности я уже закончил, – Назаров отложил в сторону бумаги. – Дальше всё практически повторяется. Те же догадки, сомнения, просьбы... Короче говоря, Закирова считает, что её муж был похищен пришельцами. Вот так, ни много ни мало...

Улыбнувшись чуть иронично, Назаров вопросительно взглянул сначала на уфолога, потом на райпрокурора. «Ну, а вы что думаете по этому поводу?» – как бы спрашивали источающую синеву, его немигающие глаза.

– Если вас интересует моё мнение, Анатолий Акимович, – решил не затягивать паузу Хайрутдинов, – то скажу, положив руку на сердце, что при всей нелепости утверждений Закировой кое-что в её суждениях заслуживает внимания. Ну, букет лесных цветов, его свечение, внезапное исчезновение – это, возможно, и не такое уж великое чудо. Только есть одно обстоятельство, которое невозможно толком объяснить...

– Что вы имеете в виду? – с любопытством уставился на него уфолог.

– Я имею в виду сообщение, сообщение о совершённой в ту ночь краже, которое передал в дежурную часть участковый инспектор.

– А откуда он его передавал? – сразу оживился уфолог.

– Очевидно, из леса. Ведь до приезда работников милиции он нигде больше не был.

– Кстати, кассету не нашли? – чуть недовольным тоном спросил Назаров.

– Нет, к сожалению, – ответил Хайрутдинов. – Будто корова языком её слизнула. Работники милиции уверяют, что отправили кассету с нарочным в прокуратуру, но кто отправлял и кто был этим нарочным, так и не выяснилось.

– А что было на этой кассете? – заинтересовался Столяров.

– Тут, видите ли, оказия такая вышла, Геннадий Михайлович, – стал пояснять Назаров, видимо, хорошо знавший об этом инциденте. – Вероятней всего, после падения с мотоцикла, придя в сознание, участковый каким-то образом сумел сообщить в дежурную часть милиции о совершённой краже и предполагаемом местонахождении преступников. Сообщение его автоматически записывалось на магнитную ленту, однако кассету потом утерали.

– Да, но кассета всё-таки была, – подтвердил Хайрутдинов. – Оперативники даже воспроизвели запись в присутствии самого Закирова. Он узнал свой голос, хотя ни о каком сообщении не помнил. Но вопрос в другом: как мог Закиров передать это сообщение, ведь у него при себе не было никаких средств связи. Может быть, вы как-то сможете это объяснить, Геннадий Михайлович?

И Назаров, и Хайрутдинов с надеждой посмотрели на уфолога.

Столяров долго молчал, словно обдумывая варианты ответов на заданные вопросы, но, видимо, в последний момент решив не возвращаться к деталям происшествия, с улыбкой взглянул на застывших во внимании сыщиков и промолвил с каким-то мальчишеским простодушием:

– Ссылаться на домыслы, большое воображение – проще всего. А почему бы не допустить, что с участковым произошло именно то, о чём пишет его жена?

– Похищение инопланетянами? Да Бог с вами, Геннадий Михайлович! – развёл руками Назаров. – Тогда нас самих надо немедленно вести к психиатру. Да, Закирова в чём-то права. Действительно, о контактах с представителями иных миров в последнее время много пишут, показывают фильмы, телепередачи. Но людям всегда было присуще выдавать желаемое за действительное. Не спорю, возможно, существуют где-то обитаемые миры и когда-нибудь состоятся близкие контакты с их представителями, но время для этого ещё не подошло, и, боюсь, придётся ждать слишком долго. А списывать всех безвестно пропавших людей на инопланетян, уж простите... Как сказал один остроумный учёный, самым большим доказательством существования разумной жизни во Вселенной является тот факт, что до сих пор никто не попытался с нами связаться.

– Не знаю, насколько прозорлив был ваш остряк-учёный, – ответил невозмутимо Столяров, – но мне больше импонирует Аврелий Августин, который говорил, что любые чудеса находятся в противоречии не с законами природы, а с нашими представлениями о них.

Назревала жёсткая дискуссия, и уфолог, судя по всему, был к ней готов.

– Вот вы, Анатолий Акимович, отрицаете возможность абдукции, – начал он первым, чуть понизив голос, при этом придав ему твёрдую уверенность, – но послушайте меня, в России ежегодно пропадает без вести около двухсот тысяч человек. Допустим, что половина из них становится жертвами преступлений, несчастных случаев, сбегает от жён, родных, поселяется в лесах, горах и других малообитаемых местах, четверть, предположим, оседает под чужими именами в городах, сёлах, бродяжничает, попадает в лечебницы и так далее. Но позвольте спросить, куда же деваются оставшиеся пятьдесят тысяч, ну пусть двадцать, пусть десять тысяч? Сможете сказать? Сомневаюсь. А вот доказательств существования давних контактов, взаимоотношений с инопланетянами можно привести сколько угодно.

– Ну, да... Египетские пирамиды, Стоунхендж, идолы острова Пасхи...

Открытая ирония, сквозившая в словах Назарова, казалось, ничуть не действовала на бородатого уфолога, который, оседлав излюбленного конька, не опасался каких бы то ни было наскоков со стороны своего оппонента. Об этом свидетельствовала прежде всего блуждавшая по его лицу умиротворённая улыбка.

– Египетские пирамиды, Стоунхендж – это, конечно, впечатляюще, – отвечал он без обиняков. – Но мы могли бы и не беспокоить памятники древности. Слышали ли вы когда-нибудь о племени догонов, проживающих в труднодоступных районах республики Мали? Так вот, эти дикари, практически оторванные от всего цивилизованного мира, не имеющие не то что телескопов, но даже самых примитивных подзорных труб, знают всё о звезде Сириус, её эволюционном развитии и спутниках. Думаете, почему? Потому что считают эту звезду своей родиной. Да и знаниям догонов о нашей Солнечной системе кое-кто может даже позавидовать. А разве не вызывают у вас удивления пустующие города, обнаруженные в джунглях и горах Перу, Чили, Мексики, города, жители которых покинули их в одночасье и исчезли навсегда, не оставив даже прощальных слов?

– Мексика, Чили, Перу – это слишком далеко, и мы там не были, – скептически промолвил Назаров.

– Хорошо! Тогда возьмём Бельское городище на Полтавщине, Аркаим, Соловки, Окунёвский ковчег...

– Сдаюсь, сдаюсь! – возвёл кверху руки Назаров. – Ещё немного, и я сам стану жертвой вашей абдукции! Конечно, вы – уфолог, знаток своего дела, и мне вас не переспорить. Но давайте спустимся на землю и вернёмся в кизьяклярские леса. Старые Кизьяклары – так, кажется, называется село, где жил участковый?

Райпрокурор кивнул.

Назаров взял в руки подшивку уголовного дела, которая ещё лежала на столе, и, раскрыв её там, где была бумажная закладка, сказал, развернув и показывая райпрокурору большую цветную схему.

– Это топографическая карта села и всей окружающей местности. Здесь хорошо обозначены леса, поля и дороги. – Он стал водить по карте указательным пальцем. – Вот дорога, по которой гнался в ту ночь за преступниками участковый, вот лес, а вот место, где он напоролся на подложенную беглецами берёзу. Осмотр этих мест производился ещё в первые дни следствия. Но скажи-ка мне, дорогой, что это за островок в чаще леса?

– Это лесная поляна, Анатолий Акимович.

– Я вижу. А вы там были?

– Мы полностью прочесали лес, облетели его на вертолёте.

– Нет, я имею в виду другое. Осматривал ли кто-либо из работников райпрокуратуры эту поляну, как положено, с применением фотосъёмки, других технических средств? Ведь находится она недалеко от места аварии.

– Кстати, неопознанные летающие объекты часто выбирают для посадки лесные поляны... – подметил как бы между прочим уфолог.

– Нет, отдельно поляну мы не осматривали, – признался Хайрутдинов. – Основное внимание было уделено месту падения Закирова и окружающему участку леса. Поляна же находится в стороне, и искать там что-то просто не пришло в голову.

Назаров недоумённо поджал губы.

– Не пришло в голову... А как ты думаешь, для чего я привёз сюда Геннадия Михайловича? Да, верно, чтобы обследовать ещё раз место аварии, а заодно и эту поляну. Геннадий Михайлович прав. Если в лесу приземлялся неопознанный летающий объект, он не мог сесть на верхушки деревьев, а раз так, то следы посадки должны были остаться на этой поляне. Вот мы и посмотрим. Не будет следов, значит и Закировой больше нечего будет придумывать и писать. Всё необходимое снаряжение для осмотра мы привезли.

– А если следы всё-таки будут обнаружены? – взглянул на Назарова хитро прищуренными глазами уфолог.

– Тогда вы, Геннадий Михайлович, как специалист, учёный, докажете нам, что они принадлежат именно внеземному летательному аппарату, а не обычному вертолёту или какой-нибудь забредшей туда колымаге.

Столяров на миг приумолк и после добавил, задумчиво обведя взглядом кабинет:

– Признаться, всё это напоминает мне детскую игру в казаков-разбойников. Поляна, следы, неопознанные объекты... Но что делать?! Начатое дело надо доводить до конца. Иначе не будет нам покоя. Так что в путь-дорогу, ребята, и никаких больше разговоров!

Стояли погожие августовские дни, радующие зеленью, теплом, светом, но уже во всём чувствовалось пока ещё тихое, робкое, но уже осязаемое присутствие наступающей осени. Хлебные поля были почти убраны, на них, собираясь в разбойничьи стаи, хозяйничали прожорливые грачи. На высившихся по краям полей берёзах светились на солнце одиночными фонариками рано пожелтевшие листья.

Хайрутдинов, уже не раз ездивший по этой дороге, молча взирал через оконное стекло на хорошо знакомые ему картинки, лишь время от времени поворачиваясь к сидящему за рулём Назарову и предупреждая его об ожидающих впереди ямах, ухабах и поворотах. Впрочем, Назаров вряд ли нуждался в подсказках. Он отлично справлялся с управлением, ехал на приличной скорости, успешно объезжая все встречающиеся на пути препятствия. Его лицо, как и лицо уфолога, хранило отпечаток полной отрешённости от окружающего мира, но райпрокурор знал, что отрешённость эта обманчива, на самом деле его спутники внимательно следят за дорогой, мысленно отслеживая путь, который преодолевал в ту ночь участковый, преследуя

удиравших от него грабителей. Возможно, внутренне даже переживают те же чувства, те же ощущения. Хайрутдинов, во всяком случае, испытывал их всякий раз, когда ему доводилось проезжать эти места.

Но вот автомобиль пересёк границу леса. В салоне сразу потемнело: по обеим сторонам дороги уже стояли, уходя ввысь, корабельные сосны и лохматые ели, едва пропускавшие сквозь свои ветви лучи солнца.

Назаров приоткрыл окно и вдохнул всей грудью.

– Ух, какой великолепный лес! – громко произнёс он, не скрывая охватившего его восхищения. – А воздух-то какой, настоящий бальзам! Не знаю, для чего только рвёмся мы под эти южные пальмы и валяемся на песке, пропитанном человеческим потом. Вот он, кладёзь здоровья здесь, и ничего русскому человеку более не нужно! – Он обернулся к уфологу. – Прав я, Геннадий Михайлович?

– Конечно, правы, Анатолий Акимович, такой благодати нигде больше не сыщешь. – Он опять хитровато прищурил глаза и подмигнул райпрокурору. – А вот скажите, если бы вы вдруг оказались где-нибудь на другой планете, в какой-то отдалённой галактике, захотелось бы вам прилететь сюда, полюбоваться этими соснами, подышать лесным ароматом?

– Экий же вы забияка! – шутливо погрозил ему пальцем Назаров. – Мало вам было этих пирамид, древних обсерваторий... Ну, конечно, прилетел бы! Где же увидишь такие красоты?

– Вот и они, видать, такого же мнения...

– Инопланетяне, что ли? Пусть прилетают, гуляют, но зачем же участкового красть?

Оба, рассмеявшись, примирительно ударили друг друга по рукам. В ту же минуту Хайрутдинов дал знак остановиться:

– Мы приехали! Вот участок дороги, где потерпел аварию Закиров. А там, справа, место, где прибывшие оперативники нашли его. Как развивались события, одному богу известно. Если допустить, что участковый пришёл в сознание ещё до прибытия сослуживцев, то он наверняка направился бы обратно по дороге, чтобы выбраться из леса. Но оперативники утверждают, что в момент обнаружения Закиров находился без сознания.

– А что если он всё-таки до их прибытия приходил в сознание, увидел что-то в глубине леса и, направившись туда, вышел к той самой поляне? – высказал своё предположение уфолог.

– Зачем? – пожал плечами Назаров.

– Подумал, возможно, что там укрываются беглецы, – сказал Столяров.

– Но беглецы скрывались в Волчьей ложине, и Закиров знал об этом! – возразил ему Хайрутдинов.

– Знал или узнал позже – этого никто не может сейчас сказать! – не сдавался уфолог.

– Ладно, не будем гадать на кофейной гуще, приступим лучше к осмотру, – как бы подвёл черту под их разговором Назаров...

Когда осмотр, фотографирование и видеосъёмка лесного участка были закончены, Хайрутдинов и его спутники, углубившись в чащу леса, направились в сторону лесной поляны, ориентируясь по имеющейся у них топографической карте.

Четверть часа нелёгкого пути через поваленные деревья, пни, кустарники – и вот они уже стоят на краю широкой, покрытой бархатной зеленью поляны, окружённой стеной леса, под которой стелилась мшистая трава, ютились молодые сосенки и ели.

– Какая идиллия! – не сдержал восторга уфолог, буквально пожирая поляну своими оливковыми, горящими от возбуждения глазами.

Он долго приглядывался, что-то высматривая, пока вдруг не сорвался с места и не засеменял к центру поляны, раскачивая висящую на плечах аппаратуру. Вот он остановился, осмотрелся, снова покругил по поляне, пригибаясь к земле и что-то разглядывая, и, наконец, вернувшись на прежнее место, помахал рукой Назарову и Хайрутдинову, подзывая к себе.

– Идите сюда! Здесь есть кое-что!

Те переглянулись и, пожав плечами, зашагали к уфологу.

Подойдя ближе, они увидели, что Столяров стоит в центре какого-то ровного, словно вычерченного циркулем круга, выделяющегося на ярко-зелёной поверхности поляны своей чуть сумрачной буроватой окраской. Они хотели войти в круг, но уфолог, предостерегающе подняв руку, предупредил:

– Оставайтесь пока на месте, не подходите! Я замерю радиационный фон, а то, кто знает...

– А вы что сами-то заговорённый, что ли, Геннадий Михайлович? Совсем не боитесь радиации? – двинулся было к нему Назаров, но уфолог опять жестом руки остановил его.

– Нет, нет! Стойте пока там – и баста! А за меня не беспокойтесь! Я этих аномальных мест столько повидал на своём веку, что для меня всякие эти радиации, ультразвуки и излучения – как мёртвому припарка.

После этих слов Столяров, вооружившись дозиметром, пядь за пядью обследовал зону круга, затем, выйдя за её пределы, обошёл со своими приборами всю поляну, всякий раз останавливаясь и внимательно разглядывая молодые деревья и травы.

Когда уфолог вернулся, Назаров и Хайрутдинов увидели у него в руках букет симпатичных жёлтых цветов и несколько отломленных сосновых вершков.

– Вот посмотрите, – сказал он возбуждённо, показывая прокурорам свои трофеи, – эти цветы растут на краю поляны, только в одном месте, возле небольшого родничка. Я раньше таких никогда не видел и собрал их специально, чтобы показать Закировой. Но это ещё не всё. Видите вершки от сосен? Они похожи на спиральки. Так вот, такую форму верхушки сосенок и елей приобретают обычно в тех местах, где летают и приземляются НЛО. Да, да, не стройте удивлённых мин! Они летали здесь, летали и садились. И круг выжженной травы в центре поляны – наглядное тому свидетельство. Ещё в нескольких местах я обнаружил находящиеся друг от друга на одинаковом расстоянии углубления. Несомненно, они оставлены выдвижными опорами летательного аппарата. Кстати, Анатолий Акимович, надо изготовить гипсовый слепок хотя бы с одного из этих углублений.

Хайрутдинов видел, что Назаров несколько растерян, обескуражен, хочет возразить уфологу, и, чтобы между ними вновь не разгорелся спор, как это было в кабинете, он решил сразу повернуть разговор в иное русло, спросив, обращаясь к уфологу:

– А радиационный фон, Геннадий Михайлович?.. С ним всё в порядке?

– Можно сказать, да, – чуть уклончиво ответил уфолог. – В зоне круга он, правда, чуть выше, чем в остальных местах, но ничего страшного... На всякий случай возьму потом пробы воздуха, воды и почвы.

А пока надо замерить и сфотографировать обнаруженные следы.

– Замерить следы, сделать гипсовые слепки... – как бы ещё не веря в происходящее, проворчал Назаров. – Ну, прямо всё по следственной науке, будто не жалобу проверяем, а расследуем дело террористов, похитивших секретный летательный аппарат вместе с участковым. Ладно, Камиль Гарипович, открывай следственный чемодан, зря, что ли, мы его сюда тащили?!

В местном самоуправлении, куда Хайрутдинов, Назаров и Столяров прибыли лишь к вечеру, их встретил новый участковый – молоденький лейтенант с редкими рыжими усиками, и, отведя их в просторный уютный кабинет, остался стоять у двери, ожидая дальнейших распоряжений.

– Вы свободны, лейтенант! – благодарно кивнул ему Назаров, когда они расселись по местам. – Только оповестите, пожалуйста, Закирову, пусть она явится сюда через полчаса.

Отдав честь, лейтенант вышел.

– Ну, что скажете теперь, друзья? – озадаченно посмотрел на своих помощников Назаров, устало откинувшись на спинку стула. – Какими двинемся путями? Положение, сами видите,

складывается непростое. А пути? Их у нас два. Обвинить в пропаже участкового неких пришельцев, что поставит нас, мягко говоря, в дурацкое положение. Или же принять решение, ссылаясь на банальные земные причины. Кадровые просчёты, верхоглядство, попустительство...

На какой-то миг Назаров призадумался, как бы перебирая в памяти всё, что ему довелось узнать в течение дня.

– Да, не спорю, то, с чем мы столкнулись сегодня там, в лесу, способно перевернуть наши представления о мире, о нашей земле и жизни в целом. Видимо, мы ещё слишком мало знаем о себе. А раз так, то, думаю, не следует лезть в какие-то дебри, а исходить из известных...

Поняв, видимо, что рассуждает слишком пространно и высокопарно, Назаров, не договорив фразы, приумолк и после некоторой заминки, нацеленно обращаясь к уфологу, продолжил уже более раскованно:

– Я уважаю ваш энтузиазм и отношусь с пониманием к вашим увлечениям, Геннадий Михайлович.

Но согласитесь, уфология – это пока ещё не наука. Скорее культ, сформировавшийся в сознании людей и подпитываемый различными сенсационными сообщениями. – По его губам скользнула едва заметная ироническая улыбка. – Вот вы говорили в кабинете у Камиля Гариповича о пришедших с Сириуса догонах, межпланетных контактах, обезлюдевших в одночасье городах... Но приведите хотя бы один подтверждающийся кинофотосъёмками или свидетельскими показаниями пример массового отлёта в иные миры землян, прилёта к нам инопланетян или их взаимных контактов. Сможете? Сомневаюсь. Да, Закирова сейчас одержима мыслью о похищении её мужа пришельцами, и, можно сказать, есть теперь на этот счёт кое-какие косвенные доказательства, о которых я по возвращении, безусловно, доложу руководству прокуратуры республики, хотя уже и сейчас знаю, какова будет реакция... При беседе же с Закировой нам следует помнить вот что. Чудеса с нами могут происходить всякие, но при этом мы всегда останемся земными людьми, живущими и действующими по земным, а не каким-то там космическим или инопланетным законам. Только в этом случае все страсти улягутся и нам не придётся вновь и вновь перелистывать это пропахшее нафталином дело. Вы согласны со мной?

Хайрутдинов молча кивнул. Назаров посмотрел на Столярова. Тот долго молчал, прежде чем поднял голову и произнёс чуть сумрачно:

– Надеюсь... надеюсь, сказанное вами не означает, что я должен скрывать от Закировой то, что мы увидели в лесу?

– Нет, напротив, – развёл перед собой ладони Назаров. – Вы можете рассказать ей всё, что пожелаете. Просто я предостерег бы вас от излишней эмоциональности, категоричности. Ведь к каким бы выводам мы ни приходили, всё должно решаться на основе действующего законодательства – и именно эту мысль мы должны внушить Закировой. А разные там мистики, гадалки, колдуны...

В это время в коридоре послышались шаги.

Прервав речь, Назаров поставил поудобнее стул и выжидающе скрестил на груди руки. Дверь открылась, и в кабинет вошла невысокого роста миловидная женщина лет тридцати, с коротко стриженными тёмно-русыми волосами, грустными васильковыми глазами и глубокой симпатичной ямочкой на щеке. Умело наведённый макияж, сшитый из добротного материала облегающий изящную фигуру костюм и модные лаковые туфельки выдавали в ней следящую за собой сельскую интеллигентку, в прошлом знакомую с городской жизнью. Рядом с ней, держа её за руку, стоял синеглазый лобастый мальчуган лет четырёх-пяти, в яркой детской футболке, джинсовых брючках и кроссовках. Мальчуган беспокойно шарил глазами по кабинету, старался всё время прикрывать мать, как бы показывая этим, что является верным и единственным её телохранителем.

Тихо поздоровавшись и следуя приглашающему жесту Назарова, женщина прошла вместе с сыном вглубь кабинета и села на предложенное ей место, сын же, не отпуская руки матери, остался стоять возле неё, наотрез отказавшись от стула.

На минуту в кабинете воцарилось молчание.

– Извините, что сразу не представилась, – первой нарушила тишину посетительница. – Закирова... Закирова Асия Касимовна.

Назаров представился в ответ, назвал имя и отчество уфолога, не став пока раскрывать его специальности. Хайрутдинов же, ранее неоднократно встречавшийся по данному делу с Закировой, лишь приветствовал её почтительным кивком головы.

Продолжая процедуру знакомства, Назаров, встав с места, подошёл к мальчику и, протянув ему руку, сказал с добродушной улыбкой:

– Ну, здравствуй, джигит! Меня зовут дядя Толя. А тебя как?

– Марат Амирханович Закиров! – бойко отрапортовал мальчуган, пожимая его руку, и, не проронив более ни слова, снова принял позу бдительного стражника.

– Ну-ну... – продолжая улыбаться, обронил Назаров и, вернувшись на своё место, заговорил уже серьёзно, положив как бы невзначай ладонь на лежащую у края стола подшивку уголовного дела.

– Проверка жалобы, направленной вами в прокуратуру СССР, поручена прокуратуре республики, которую я здесь представляю, – сказал он, тихонько похлопав ладонью по обложке дела.

– Да, я знаю, – утвердительно кивнула Закирова.

– Так вот, мы тщательно изучили все следственные материалы и считаем, что розыск вашего мужа проводился и проводится ныне в полном соответствии с законом. По делу выполнен большой объём работы, допрошены свидетели, даны поручения в соседние районы и области – всего не перечислишь...

– Об этом мне тоже сообщали, – тягостно вздохнула Закирова, – но в своей последней жалобе...

– Да, я в курсе дела, – опередил её Назаров. – В ней вы выдвинули не совсем обычную версию исчезновения вашего мужа.

– Вы, наверное, сочли меня за сумасшедшую? – грустно улыбнулась Закирова, потрогав руками покрасневшие щёки. – Но уверяю, я в своём уме. Просто, это была моя последняя надежда. И если я лишусь и её...

На глазах учительницы выступили слёзы.

– Успокойтесь, – по-отечески тихо, ласково сказал Назаров, – никто вас ни в чём не обвиняет. Мы не новички в своём деле и знаем, что всякая версия имеет право на существование. Раз вы считаете, что в судьбу вашего мужа вмешались какие-то потусторонние, неземные силы, то мы обязаны проверить ваши доводы и принять решение. Кстати... – Он повернулся к сидевшему по другую сторону стола Столярову. – Я уже представлял вам Геннадия Михайловича. Он известный уфолог, учёный, специалист по аномальным явлениям...

– Здравствуйте! – как-то непроизвольно вырвалось у Закировой. Присутствие уфолога, видимо, всколыхнуло её. С трудом сдерживая волнение, она с каким-то трепетом и страхом посмотрела уфологу прямо в глаза и спросила:

– И что же? Что вы можете сказать? Вы уже были в том месте, в лесу?

Выдержав паузу, Столяров молча вытащил из лежавшего на его коленях пакета букет собранных в лесу цветов и, показав его Закировой, спросил:

– Асия Касимовна, вам раньше приходилось видеть подобные цветы?

– Жёлтые колокольчики! – Вскочила со стула учительница. – Да, да, я видела их, видела! Точно такие в ночь аварии принёс из леса Амирхан, мой муж!

– Садитесь, пожалуйста, и успокойтесь. Ведь это всего-навсего букет цветов, – жестом усадил её обратно на стул Столяров. – Садитесь и выслушайте меня. Да, мы были в лесу, в том самом лесу, где ваш муж, преследуя грабителей, потерпел аварию. Мы осмотрели это место, побывали на поляне, где предположительно мог оказаться ваш муж после аварии, а возможно, приходил туда и в последующие дни. Так вот, на этой поляне есть следы, которые косвенно могут указывать на посадку там некоего неопознанного летательного аппарата...

– Я знала, знала, что он живой! – с радостной и в то же время какой-то жалкой и беспомощной улыбкой воскликнула Закирова, задрожав всем телом и дав полную волю слезам. – Он жив и живёт в каком-то чужом мире, среди чужих людей! Он сам, сам рассказывает мне об этом, являясь в снах! Эти сны, они каждый день мне снятся!

– И ко мне папа тоже во сне приходил и тоже рассказывал! – всхлипнул стоявший возле матери маленький телохранитель, утирая ладошкой слёзы.

– Я понимаю ваше волнение, – с сочувствием сказал уфолог, – но ещё раз прошу вас, возьмите себя в руки. Иначе... иначе нам придётся прервать беседу.

– Нет, нет! – возражающе покачала ладонью учительница. – Не надо ничего прерывать! Сейчас, сейчас я успокоюсь. А вы... а вы не молчите, пожалуйста, рассказывайте, что было дальше!

– Скорее всего, на этой поляне что-то произошло в ту ночь, – медленно продолжал Столяров. – Но что именно, никто сейчас не сможет сказать, как и не скажет, имело ли это «что-то» отношение к исчезновению вашего мужа. Но если бы и сказал, то вряд ли вас это утешило. Посудите сами. Допустим, что это был космический корабль, на котором какие-то неземные существа впоследствии увезли вашего мужа. Но ведь если это они его увезли, то наверняка не в Подмосковье, не на Шпицберген или Камчатку, а в какую-нибудь отдалённую галактику, отстоящую от Земли на десятки, сотни световых лет. И что же вы станете делать, у кого просить помощи? У нашего правительства? Или, может быть, у Господа Бога? Но ведь вы, наверное, и так уже не раз обращались к нему с мольбами о помощи...

Немного помолчав, уфолог заговорил уже тихо, вполголоса, но вкладывая в слова всю силу своего внутреннего убеждения:

– Мой совет вам, не терзайте себя понапрасну разными догадками и домыслами. У вас работа, сын. Самое лучшее в вашем положении – успокоиться, покориться судьбе и жить надеждой на лучшее.

– А скажите... скажите... – с дрожью в голосе выдавила из себя Закирова, вытирая глаза и сглатывая слёзы. – Есть какой-нибудь шанс? Ведь вы уфолог, и вам, наверное, известны случаи похищения людей пришельцами. Скажите, они потом возвращают их? Через какое время? Вы знаете?

– Никто вам этого не скажет, – покачал головой Столяров. – На нашей земле пока ещё нет действующей связи с иными мирами, хотя попытки наладить её делаются. К сожалению, вся сегодняшняя уфология держится в основном на разрозненных рассказах очевидцев, потерпевших. И если исходить из них, то абдуктантов в одних случаях возвращали через несколько дней, в других – спустя годы. Иные же исчезали навсегда. Так что и здесь я вас ничем утешить не могу. Но, как говорят, надежда всегда умирает последней...

– Спасибо, – грустно обронила Закирова, поднявшись со стула и ласково погладив по голове сына. – Мы, пожалуй, пойдём. К сказанному вы уже, наверное, ничего не добавите. До свидания!

Медленными шагами они направились к выходу. Перед тем как выйти, учительница обернулась и сказала, обращаясь к Хайрутдинову:

– А вы, Камиль Гарипович, не беспокойтесь. Я больше не буду никуда писать. Буду только ждать, ждать до конца, до самой смерти...

– Да, интересный у нас получился разговор, – задумчиво промолвил Назаров, когда дверь за посетителями закрылась и мужчины остались в кабинете одни. – Каждый из нас сказал ровно столько, сколько хотел, и каждый из нас сделал вид, что сказал больше, чем хотел. Точно, как в дипломатии. Кажется, теперь можно будет поставить в этом деле точку. И всё же... Всё же бывает грустно иногда оттого, что, являясь специалистом в своей области, блуждаешь, будто леший в тёмном лесу, и ничем не можешь помочь человеку, хотя и знаешь, что истина где-то рядом...

Незванный гость

Сдавленно вскрикнув, Марат оттолкнулся от подушки и сел, широко раскрыв глаза и судорожно сжимая пальцами краешек одеяла.

Он огляделся. В комнате – никого. Из прикрытых тонкими занавесками окон пробиваются лучи солнца, наполняя спальню мягким рассеянным светом.

Наклонившись вперёд и обняв руками колени, Марат впал в раздумье. Надо же, опять этот странный сон, этот отдалённый звон в ушах, это едва ощутимое покалывание в кончиках пальцев...

Невольно задумаешься – уже который день он видит один и тот же, словно застрявший в его мозгах, фантастический сон. Будто бредёт он ночью по лесу, бредёт, сам не зная куда и зачем, по петляющей между деревьями дороге, которую больше ощущает ногами, нежели видит глазами, и вдруг откуда-то из-за кустов всплывает, словно восходящая луна, небольшой, величиной с мяч, ярко светящийся шар, приближается к нему и зависает в воздухе, как бы преграждая путь. Марат останавливается. Шар будто смотрит ему в глаза, то и дело меняя свою окраску. Голубые, лиловые, розовые цвета словно соревнуются друг с другом в красоте и яркости.

Зачарованный этой удивительной игрой красок и не в силах сдержать себя, Марат медленно тянет к шару руки. Он всё ближе и ближе. Пальцы его уже ощущают тепло, мягкую бархатную поверхность шара. И тут его словно бьёт током. Он вскрикивает и просыпается.

И вот так каждый раз...

Началось всё месяц назад. Пришёл как-то к нему его одноклассник Атлас, которому родители по случаю дня рождения подарили новенький фотоаппарат, и предложил испытать подарок в деле. Приятели вышли в сад, поочередно фотографировали друг друга то в одном, то другом ракурсе.

А через недельку Атлас прибежал к нему, взволнованный и возбуждённый, и выложил перед ним на стол три фотографии, сделанные в тот день в саду. Марат на снимках ничего удивительного не заметил. Тут Атлас и сказал ему, тыча пальцем на фото: «Скажи, пожалуйста, не видит он ничего! А это что за кляксы тут красуются возле тебя?»

И вправду, посмотрев ещё раз повнимательнее, Марат вдруг с удивлением обнаружил, что на каждом снимке рядом с ним изображён слегка голубоватый, по краям перламутровый шар с какими-то едва заметными прожилками внутри. На двух фотографиях шар как будто бы просто висит над его головой, а на третьем умудрился даже «усесться» ему на плечо.

Марат заподозрил было приятеля в каких-то шуточных проделках, но Атлас клятвенно заверил, что снимки подлинные и во время съёмки никаких шаров рядом не видел.

Потом они несколько раз делали пробные фотоснимки в разных местах и при разном освещении, и всякий раз шар будто неотступно следовал за Маратом, проявляясь именно на кадрах с ним.

Такую фанатичную привязанность невозможно было ничем объяснить, и приятели, посоветовавшись, решили обратиться за помощью к учителям, надеясь, что они смогут внести хоть какую-нибудь ясность в суть этих фотоснимков. Увы, учителя, разглядывая фотографии, лишь недоумённо пожимали плечами, и даже директор школы Шакирзян Сахапович, перед знаниями и эрудицией которого снимали шляпы даже маститые педагоги, только и смог произнести: «Возможно, это шаровая молния, а возможно, просто дефект фотоплёнки...»

После этого Марату и стали сниться эти странные сны, разгадка которых представлялась для него ещё более сложной, чем шары на фотографии.

Да, мало было ему одной тайны, непроницаемой, жгучей, не дававшей покоя с раннего детства, тайна его отца, участкового инспектора милиции, неожиданно и безвестно пропав-

шего, когда ему не было ещё и двух лет. Сколько прошло с тех пор времени, но так никто и не смог пролить и лучика света на эту тайну, которую он никак не может забыть и из-за которой уже столько лет мучается его мать.

Кстати, мать... Марат вспомнил, что вчера она сильно болела, не смогла даже пойти на работу. Наверняка, она уже проснулась и сейчас ждёт его.

Отгнав роившиеся в голове мысли, Марат откинул одеяло и, вскочив с кровати, начал одеваться.

– Доброе утро, мама! – произнёс он тихонько, просунув голову в дверь её спальни и увидев, что мать лежит с открытыми глазами.

– Доброе утро, сынок! – повернулась она к нему, протягивая руку. – Пройди сюда, возьми стул и присядь рядышком.

Войдя в комнату и взяв табуретку, Марат устроился возле её кровати.

– Как ты чувствуешь себя, мама? – спросил он, погладив руку матери и положив её к себе на колени.

– Сегодня уже лучше, – попыталась улыбнуться она, не отстраняя руки, – правда, голова ещё болит и немного в груди давит, но мне уже лучше, честное слово, лучше, сынок.

Марат знал, что мать лишь старалась успокоить его. Рука её была горячеей, а глаза, обычно добрые и живые, застилала мутно-печальная дымка.

– Ты ещё не пила чай, мама? – спросил он.

– Нет. Я и не хочу. Правда.

– Вот что, – требовательно и серьёзно сказал Марат. – Ты полежи здесь, а я выйду сейчас в сад, соберу смородиновых листьев и заварю чай, не простой, а волшебный. Ты попьёшь его и сразу же поправишься. Смородина – это лучшее лекарство. Так написано в журнале «Здоровье». Я ещё вчера прочитал.

– В журнале «Здоровье»? – болезненно улыбнулась мать. – Когда же ты успел это прочитать? Ведь вчера ты до поздней ночи находился возле меня, ухаживал за мной, как нянька. Небось, и уроки не выучил?

– Письменные задания я успею сделать до начала уроков. Здесь, дома, сделаю или пойду в школу пораньше. А устные... Выкручусь, я же не тупица какой-нибудь!

– Уж не подведи, сынок! Ты – сын учительницы, помни об этом! А насчёт чая не беспокойся. Сейчас я встану, заварю сама.

– Лежи, лежи, мама! Я сейчас, я быстро! – вскочил с места Марат и опрометью выбежал из спальни.

Сад встретил его ослепляющим солнечным светом, разноголосым щебетом птиц, весёлым стрекотанием прячущихся в траве кузнечиков.

Постояв немного и полюбовавшись глубоким синим небом, по которому плыли одиночные облака, стройными, умытыми росой деревьями, Марат подошёл к посадкам смородины и, выбрав куст погуще, стал срывать с веточек молодые, успевшие позеленеть листочки и складывать их в прихваченную с собой чашку.

Когда чашка была уже полна, он вдруг почувствовал, как что-то мягкое, тёплое коснулось его затылка, плавно скользнуло по волосам, словно их погладила ладонь матери. Марат поднял голову и тут же застыл с широко раскрытыми от удивления глазами.

Перед ним на расстоянии вытянутой руки в воздухе висел светящийся шар, тот самый, что являлся ему в снах и красовался рядом с ним на фотографиях. Шар слегка пульсировал и будто бы наполнен был изнутри чуть клубящейся разноцветной дымкой.

Мамочка моя! До чего же он красив, этот шар!

Он словно переливался всеми цветами радуги, то возгораясь, то чуть бледнея, и казалось, жил и дышал, источая в ритм своему дыханию чудное радужное сияние.

«Кто ты? Зачем ты здесь?» хотелось спросить Марату, но язык его словно онемел. Он был не в состоянии произнести ни слова. И тут произошло неожиданное. Шар будто заметил его растерянность, подплыл ближе и мигнул своим живым внутренним светом, и тут Марат, сам того не желая, словно влекомый какой-то неведомой силой, протянул к нему руки. К его удивлению, шар не дрогнул, не отстранился, а мягко опустился на его ладони. Сильный и приятный жар прошёл через его руки, разлился по всему телу, заставив сомкнуть веки и застыть в какой-то сладостной неге.

Долго он так стоял и, когда почувствовал, что тепло медленно покидает его тело, открыл глаза, ладони его уже были пусты, покоившийся на них шар словно растворился в воздухе. Лёгкое головокружение, сухость во рту – это было всё, что осталось от их общения. А ещё – скованность во всём теле, желание стоять тихо, безмолвно, спокойно дыша и ничего не замечая вокруг.

Но его мама ждала. Помня об этом, он усилием воли сбросил с себя оцепенение, взял чашку и, слегка пошатываясь, пошёл к дому.

Лишь оказавшись на кухне, помыв холодной водой ладони и умывшись сам, он окончательно пришёл в себя и, ощутив прилив сил, начал живо заваривать обещанный чай.

Когда всё было готово, он, расставив на поднос пиалы с горячим чаем, блюда с мёдом, маслом и печеньем, подхватил его на руки и направился к матери. Увидев его, Асия не смогла сдержать улыбку.

– Ты у меня прям, как заправский чайханщик, сынок!

Ничего не ответив на это, лишь вскинув брови и заносчиво вздёрнув нос, Марат поставил поднос на стоящий рядом маленький столик, придвинул его ближе к кровати и, подсев к матери, осторожно взял её за руку.

– Тебе помочь, мама?

Чуть вздрогнув, Асия сжала его руку в своих ладонях.

– У тебя такая горячая рука, сынок. Уж не заболел ли и ты?

Вместо ответа Марат, и сам не зная для чего, словно действуя по чьей-то воле, освободил руку и легонько опустил ладонь на темя матери.

Асия опять вздрогнула, широко раскрыла глаза и вдруг, напрягшись всем телом, резко поднялась с постели и села. Она разом вся преобразилась. На лбу засверкали градинки пота, глаза словно вспыхнули огнём, на щеках появился яркий румянец.

– Что это? Что ты сделал со мной, сынок? – спросила она, растерянно и удивлённо озираясь по сторонам, будто только что отошла от глубокого сна. – Ведь ты... ты, кажется, сейчас вылечил меня. Мне вдруг стало так хорошо, так легко...

– Не может, не может этого быть, мама! – недоверчиво посмотрел на неё Марат. – Я ведь ничего такого не сделал. Я только притронулся к тебе, притронулся произвольно, и сам не зная зачем!

– Да, да, мне и вправду стало так легко. Будто бы я и не болела! – теперь уже бодро, окончательно придя в себя, проговорила Асия и, приподняв руку, посмотрела на часы. – Тебе надо собираться в школу, сынок. Сейчас... сейчас я встану, поджарю котлетки, и мы с тобой вместе позавтракаем...

Голос матери звучал настолько твёрдо, уверенно, что Марат не посмел ей возразить.

Словно не замечая смотревшего на неё с удивлением сына, она встала с кровати, поправила халат, волосы и, даже забыв надеть домашние тапочки, прямо босиком заспешила на кухню.

Марат учился в школе на четвёрки и пятёрки, в классе лучше всех знал математику, физику, химию, а его сочинения по литературе часто отмечались на школьных конкурсах и олимпиадах.

Как и планировалось, Марат пришёл в школу за полчаса до начала занятий, сделал все письменные домашние задания, успев также наскоро просмотреть учебники и записи в тетрадях и освежить свои знания. Вот только задание по истории... На него у Марата просто не хватило времени.

Уроки в тот день проходили, надо сказать, слаженно. Учителя, все как один, были в хорошем настроении, не донимали своих подопечных излишними вопросами, наоборот, даже сами охотно помогали им, когда происходили какие-нибудь заминки. Так прошли четыре урока. Оставался последний. И это был урок истории.

Вообще-то Марат знал этот предмет неплохо, но так уж получилось, что на сей раз в его знаниях образовалась серьёзная брешь, и поэтому он чувствовал себя не в своей тарелке.

Всё бы ничего, но уроки по истории вела завуч школы Аниса Рахимовна, женщина строгая, требовательная, не терпящая никакого разгильдяйства. Ждать от неё снисхождения не приходилось, и Марата успокаивало лишь то, что уроком раньше Аниса Рахимовна уже опрашивала его, и вряд ли ей вздумается вновь проверять его знания.

Прозвенел звонок. Вот уже открылась дверь, и в класс вошла Аниса Рахимовна, как всегда, модно одетая, красивая, стройная. Сухо поздоровавшись и бросив небрежный взгляд на висящие на стене карты, она села за стол и склонилась над классным журналом.

– Все присутствуют? – спросила она, не поднимая головы, холодно, строго и, не дожидаясь ответа, продолжила тем же сдержанно-холодным тоном:

– На прошлом уроке мы говорили о Египте, фараонах и их походах. Давайте вспомним, какую роль сыграл в защите своего государства фараон Рамсес Третий. А поможет нам в этом...

Сердце у Марата учащённо забилося. «Рамсес Третий... Рамсес Третий...» – крутилось у него в голове. Нет, на том уроке он, видимо, думал о чём угодно, но только не о Рамсесе Третьем, и ничего у него в памяти не сохранилось, кроме какого-то сражения на Средиземном море.

– Поможет нам... – всё водила ручкой по журналу Аниса Рахимовна и наконец выпрямилась. – Ну хорошо! Пусть нам расскажет об этом Марат... Марат Закиров!

Ощущение было такое, будто он получил затрепину от сидящего позади одноклассника. Но что делать! Нехотя, вразвалочку Марат вышел из-за парты и, взяв с учительского стола указку, подошёл к карте.

Рамсес Третий... Ну ни зги. Да, такого позора он ещё не знал. Будут теперь подтрунивать над ним одноклассники. И это перед самым окончанием учебного года!

В поисках хоть малейшего спасения, малейшей надежды он посмотрел в окно, посмотрел и не поверил своим глазам. Из-за оконной рамы, купаясь в солнечных лучах, на него смотрел перламутровый шар, тот самый, что заглянул к нему в гости утром, когда он собирал в саду листья смородины. Шар весь светился, словно радуясь встрече. Марат тоже обрадовался, сразу растянул в улыбке рот. От его глупой, ничем не объяснимой улыбки рассмеялся весь класс, лишь Аниса Рахимовна была непреклонна в своей строгости.

– Закиров, ты что, вышел сюда для того, чтобы посмешить ребят? – спросила она нахмуренно и, поднявшись с места, медленными шагами подошла к нему.

– Я сейчас, сейчас... – засуетился Марат, беспокойно поглядывая в сторону окна и боясь, что учительница или кто-нибудь из учеников может заметить шар, но, к счастью, его там уже не было, он бесследно исчез.

В тот же миг в голове у Марата словно что-то зашевелилось, задвигалось, связавшись в один тугий узел, и он вдруг, воспрянув, легко и уверенно, будто читая по невидимой книжке, начал рассказывать, деловито водя указкой по карте:

– Это величайшее сражение произошло на восьмом году правления сына богов фараона Рамсеса Третьего. Египетские войска заняли свои позиции ещё под покровом темноты. Запряжённые в боевые колесницы кони, чувствуя близость боя, нетерпеливо и беспокойно встряхи-

вали головами, возницы и воины успокаивали их, хотя у них самих были основания для тревоги. Им предстояло сражаться с «народами моря» – толпами кочующих захватчиков, которые ещё недавно в северном и восточном Средиземноморье серьёзными противниками не считались, а теперь Египту самому приходилось отстаивать своё существование...

Он рассказывал. Класс словно погрузился в мёртвую тишину. Ребята слушали его с раскрытыми от удивления ртами, а Аниса Рахимовна стояла рядом, переступая с ноги на ногу, и, казалось, не знала, что ей делать, прервать слишком увлечёвшегося ученика или терпеливо выслушать его до конца.

– Властитель Верхнего и Нижнего Египта Рамсес Третий, – продолжал между тем Марат, полностью войдя в роль знатока и заядлого рассказчика, – сидел в своей роскошной палатке. В лагерь прискакал гонец с известием о том, что враг приближается. «Народы моря», видимо, не ожидали в тот день встречи с египетским войском. Вот фараон взмахнул рукой, боевые трубы протрубили сигнал к наступлению, и вся военная мощь Египта пришла в движение. Дисциплинированные войска, выполняя по сигналам труб манёвры, окружили врагов и врезались в их гущу. «Его войска подобны быкам, несущимся по полю битвы, его кони подобны соколам среди мелких птах» – так писалось на одной из эпитафий, обнаруженных...

– Хорошо, хорошо, Марат! – растерянно замахала перед собой ладонями учительница. – Египтяне в том сражении одержали победу. И что же, на этом ратные подвиги фараона заканчиваются?

– Нет, потом была ещё одна победа в одном из рукавов дельты Нила. Там стоял военный флот «народов моря», который намеревался...

– Достаточно, Закиров, вполне достаточно... – тихим и упавшим голосом проговорила учительница, возвратившись на своё место, – материал ты знаешь прекрасно. Я ставлю тебе пять. Ты можешь... можешь сесть.

Когда Марат проходил мимо стола, завуч, остановив его, испытывающе посмотрела ему в глаза.

– Скажи-ка, Закиров... Тему ты, конечно, усвоил.

А вот эти трубы, возницы, боевые манёвры, эпитафии... Откуда у тебя всё это?

– А разве вы не читали Болеслава Пруса, Джеймса Бёртона, Говарда Картера? – невесть каким образом вырвалось из уст Марата.

– Читала, конечно, читала... – неуверенно промолвила Аниса Рахимовна и опять склонилась над классным журналом.

Марату ничего не оставалось, как занять место за своей партой.

Оставшаяся часть урока протекала в привычном русле. Наскоро опросив ещё нескольких учащихся, Аниса Рахимовна сбивчиво и отвлечённо рассказала об искусстве Древнего Египта и, как только прозвенел звонок, не задерживаясь ни на секунду и даже не попрощавшись, удалилась из класса.

После окончания занятий Марат, выйдя из школы, сразу же направился домой. Шёл он на этот раз один, не пожелав взять в спутники даже своего друга Атласа. Он чувствовал себя усталым, ему хотелось покоя и одиночества. Ещё там, в школе, ощущая на себе сверлившие его со всех сторон взгляды одноклассников, то восхищённые, то завистливые, то просто любопытные, он спрашивал себя: кто вмешался в его жизнь, зачем и что с ним, в конце концов, происходит? Здоров ли он и в своём ли уме?

И теперь, когда он остался один, эти вопросы обрушивались на него с новой силой.

Да, он и раньше не числился в ряду худших, часто удивляя одноклассников и учителей своей находчивостью и сообразительностью. Но чтобы такое! Эти внезапно пришедшие к нему удивительные знания. Эти имена. Болеслав Прус, Джеймс Бёртон, Говард Картер... Ведь он никогда раньше не слышал о них. А это неожиданное исцеление матери? Неужели...

Нет, он боялся сейчас даже думать об этом.

Эти раздумья не покидали его и дома, где тепло, уют и тишина, казалось бы, располагали лишь к покою и сладкому отдыху. Но ему, похоже, было теперь не до отдыха. Весь вечер он рылся в домашней библиотеке, перебирая старые книги, газеты, журналы и надеясь найти в них хоть какую-нибудь информацию об этих загадочных шарах, сновидениях и фотографиях. Но тщетно.

Когда стемнело, он вышел в сад и, устроившись в кустах на скамейке, долго, неотрывно смотрел в иссиня-тёмное небо и мерцающие в вышине звёзды.

И в первый раз он вдруг отчётливо осознал, что где-то там, в глубине неба, тоже есть жизнь, и нити от неё тянутся сюда, на эту прекрасную землю.

Клад

Марат ждал этого дня. И вот, наконец, он наступил. Только что закончилось торжественное собрание, где выпускников поздравили с окончанием школы, вручив аттестаты о среднем образовании. Марату же, кроме аттестата, вручили ещё и золотую медаль за отличную учёбу. Поздравлений и похвал в его адрес было хоть отбавляй. Лицо юноши и сейчас ещё пылало от гордости и смущения. Жаль только, не было на этом собрании матери. Ей этот день, наверное, запомнился бы надолго.

Бедная мать... Уже пошёл второй год, как она вышла на пенсию по болезни, находилась дома одна, изредка выходя в сад, коротая время за вязанием или чтением книг.

Ждёт его, наверное, сейчас с нетерпением, волнуясь и поглядывая на часы. Здоровье её то улучшалось, то ухудшалось. Приходилось даже несколько раз вызывать врачей. Марат и сам не сидел сложа руки, старался, как мог, облегчить её состояние, используя чудом появившиеся у него целительские способности. И временами казалось, она уже вот-вот готова была выбраться из тисков мучившего её недуга, но невесть откуда на неё вдруг снова наваливалась грусть, тоска, тяжёлые воспоминания, и тиски сжимались вновь, нещадно и с новой силой. И так повторялось всякий раз. Нарушение сердечной деятельности, атеросклероз, гипертония... Врачи говорили, что с этими вещами шутки плохи. Хорошо, хоть на ногах ещё держится, делает всё сама, без посторонней помощи.

Ах, мама, мама! Вот завернёт он сейчас на свою улицу, откроет ворота, вымерив шагами двор, войдёт в дом и увидит... Что он увидит? Увидит, конечно, прежде всего её излучающие свет васильковые глаза, чуть сдержанную добрую улыбку. Ну, а если... Если она вдруг расплачется, расплачется от волнения или радости. А может, она уже знает о письме, которое он вчера получил и никому ещё не показывал, лишь собирается показать ей, самому близкому человеку? Нет, наверное, всё-таки не заплачет. Ведь она сильная, многое пережила в жизни и научилась сдерживать себя даже в самых сложных ситуациях. Но если даже и заплачет, то не беда. Он сумеет успокоить её. Он знал, он был уверен, что мать всё равно поймёт его, поймёт, что сын уже стал взрослым, и ему предстоит самому избрать свой жизненный путь.

Асия задумчиво сидела в кресле, держа в руке закрытую книгу. Подняв голову и увидев сына, она разом выпрямилась, на лице её мгновенно отобразилась та ласковая, обворожительная улыбка, которая влечёт в материнские объятия даже несмышлёного ребёнка.

Подойдя к ней, Марат наклонился и, обняв за плечи, поцеловал в щёку.

– Добрый день, мама!

– Здравствуй, сынок! Чувствую, ты вернулся домой с хорошими новостями...

– Ну, как сказать... – с чуть напущенной скромностью пожал плечами Марат, после чего, не говоря ни слова, открыл свою школьную папку и, вынув из неё книжицу с гербом и золочёными буквами, протянул её матери. – Вот, мама. Это мой аттестат о среднем образовании. А это... – вытащив из кармана пиджака маленькую коробочку, он открыл её и положил на колени матери. – Это золотая медаль за отличную учёбу.

– Поздравляю, сынок! Я так рада за тебя! – с волнением в голосе произнесла она, сохраняя на лице улыбку, взяла аттестат и коробочку с медалью, долго и внимательно рассматривала их, будто не была раньше учительницей и никогда не видела этих школьных атрибутов. Потом, подняв голову и указав взглядом на папку в руках у сына, спросила чуть робко, настороженно:

– Там у тебя ещё что-то есть?

– Да, мама. Здесь письмо. Из Москвы. От профессора Садреева.

Пододвинув к креслу матери другое стоявшее в комнате кресло и сев напротив, Марат заговорил с медлительным спокойствием, хотя в голосе его и чувствовались нотки сдерживаемого волнения:

– Профессор Садреев... Я никогда раньше не рассказывал тебе о нём, мама, но помнишь, в позапрошлом году я ездил в Москву на семинар победителей международной астрономической олимпиады школьников. Там я выступал с лекцией «Мог ли Циолковский полететь на Марс?».

Марат чуть грустно улыбнулся краешком губ.

– Тогда я ставил подобную вероятность под сомнение. Наверное, не всё ещё и сам понимал до конца. Но всё равно профессору моё выступление понравилось. Он дал мне свой адрес, телефон, и мы договорились, что перед завершением учёбы я обязательно с ним свяжусь. Незадолго до экзаменов я отправил ему письмо. Он, оказывается, теперь ректор авиационного технологического института. Садреев тоже прислал мне письмо. Вот оно. Ты можешь прочитать его.

Взяв из папки конверт с письмом, Марат доверительно вручил его матери. Асия, подержав некоторое время письмо в руке, почему-то не стала сразу читать его, посмотрела как-то серьёзно, внимательно в глаза сыну и спросила:

– Ты сказал, что ставил вероятность полёта Циолковского на Марс под сомнение... Ну а сейчас? Что бы ты сказал сейчас, если бы тебе снова пришлось выступить с лекцией?

– Я бы, не раздумывая, подтвердил эту вероятность! – твёрдо, с юношеской упрямостью проговорил Марат. – Только не подумай, мама, что я так легко меняю свои взгляды. Нет, просто я многое узнал и многое понял за последние пару лет.

Поднявшись с кресла, Марат стал взволнованно и сосредоточенно ходить по комнате, продолжая начатый диалог, но уже в несколько иной форме.

– Ты ведь знаешь, мама, меня с детства привлекали кристаллы и камни необычной формы. Я излазил все близлежащие овраги, леса, песчаники, собрал целую коллекцию разных минералов.

– Знаю, знаю, – шутливо улыбнулась мать, – во время уборки в квартире мне эти минералы доставляли столько хлопот.

– Возможно, но ты понимаешь, мама, когда я внимательно вглядываюсь в эти камни, я вижу в них целые миры с лесами, горами, морями и даже звёздными небесами. Иногда мне кажется, что они живые, дышат, смотрят на меня своими сверкающими глазёнками и тихо со мной беседуют...

Он говорил, а мать сидела, слушая его с каким-то затаённым вниманием, как некогда во время уроков её слушали ученики. Всё лицо Асии было застывшим, неподвижным, и лишь глаза, эти необыкновенные васильковые глаза, живо реагировали на каждое сказанное им слово, каждую фразу, то возгораясь, то затухая, словно она всё ещё не могла поверить, что это говорит её собственный сын, казалось, ещё только недавно сидевший за детским столиком, размазывая ложкой по лицу манную кашу.

– Как учительнице химии и биологии, тебе, конечно, известно, мама, что кристаллы обладают значительной энергией, и энергия эта получена не из каких-то неизведанных источников, а из земли, воздуха, огня, воды, то есть оттуда, откуда получаем её и мы, люди, – всё смелее, увереннее развивал свою мысль Марат, продолжая ходить по комнате. – Человек, в сущности, и сам кристалл, только иной формы и плотности, а составные те же самые. Возможно, поэтому при близком контакте с кристаллами с ним иногда начинают происходить настоящие чудеса. Особенно это проявляется при контакте с образовавшимися из кристаллических веществ каменными глыбами или мегалитами. Никто пока не может этого объяснить, но при определённых условиях человек, взаимодействуя с ними, тем более, если это взаимодействие происходит на молекулярном уровне, вдруг становится источником огромной энергии, позво-

ляющей ему управлять этими гигантами, поднимать их на высоту и даже перемещать на большие расстояния. В науке это явление называют телекинезом...

– Ты рассуждаешь, как настоящий учёный, сынок, – не сдержала, наконец, своих скопившихся эмоций Асия, – но это всего лишь гипотезы, теоретические толкования, осуществить же практически то, о чём ты говоришь, вряд ли возможно...

Высокий, красивый, облачённый в строгий чёрный костюм, белую сорочку, галстук, не спеша и деловито расхаживающий по комнате Марат в эту минуту и вправду напоминал молодого учёного, рьяно отстаивающего свои идеи и убеждения. И судя по горящим глазам и яркому румянцу на щеках, «молодой учёный» не собирался так просто сдаваться.

– Да, люди испокон веков не верили в то, чего не могли объяснить! – сказал он, усаживаясь в кресло. – Не верили, что Земля круглая, что она несётся с невероятной скоростью в космическом пространстве, вращаясь и одновременно совершая обороты вокруг Солнца. Но послушай, мама, в разных уголках земного шара обнаружены десятки высоченных гигантских сооружений из каменных столбов и плит, воздвигнутых ещё в те времена, когда и в помине не было ни подъёмных кранов, ни других строительных механизмов. Взять те же города-гиганты Аравийского полуострова, египетские пирамиды... Кто их возводил? Конечно, человек! Каким образом? Вступая в контакт и взаимодействуя с этими гигантскими кристаллическими образованиями. А раз так, то почему бы ему путём такого же взаимодействия не управлять, например, космическим кораблём? Циолковский и другие учёные, видимо, знали кое-что насчёт этого.

– Но космический корабль и каменная глыба... – скептически развела руками мать.

– А ты представь, что корпус этого космического корабля, его внутренние конструкции сделаны из материалов кристаллического происхождения...

– И что тогда?

– Тогда с космическим кораблём при воздействии на него человека произойдёт то же самое, что и с каменной глыбой. Человек усилием своей воли поднимет его в небо, в космос.

Мать тепло и искренне рассмеялась.

– Экий же ты фантазёр, сынок! В твоей идее, конечно, есть своя логика. Но ведь это космос, и без какой-то сверхмощной энергии и сверхмощного двигателя там, наверное, всё-таки не обойтись.

– Кристаллы – это и есть и источник сверхмощной энергии, и сверхмощный двигатель. Надо только уметь управлять ими.

– Но как?

– Не знаю, пока не знаю, мама. Но я узнаю, обязательно узнаю!

Присев в кресло и откинувшись на спинку, Марат замолчал, задумчиво скрестив руки на груди.

– И ты написал обо всём этом профессору? – тихо, неуверенно спросила Асия.

– Да.

– И что же он тебе ответил?

– Ответ в конверте, мама. Ты можешь прочитать его. Приглашает в институт. Без экзаменов. Повышенная стипендия. Общежитие...

Посидев некоторое время молча, Асия вынула из конверта письмо и, развернув, пробежалась по нему быстрым, рассеянным взглядом. Затем, повернувшись к сыну, улыбнулась и искренне и просто сказала:

– Вот видишь, как всё хорошо складывается. Считаю, ты уже в институте, сынок... А какую специальность ты выбрал?

– Факультет летательных аппаратов.

– Факультет летательных аппаратов... Это здорово! Поздравляю тебя. Поздравляю от всей души!

Произнося эти слова, Асия продолжала улыбаться, но всё равно в её глазах стоял тонкий дымок грусти, и Марат видел это. Знал он и причину этой грусти.

И потому поспешил успокоить её.

– Учиться я поеду только в том случае, мама, если ты поправишься и будешь чувствовать себя хорошо! И насчёт денег не беспокойся! Не хватит стипендии – буду подрабатывать в свободное от учёбы время.

– Подрабатывать... Вот когда бедность показала нам своё истинное лицо! – задумчиво обронила мать.

– А ещё говорят, предки наши были самыми богатыми людьми в этих краях... – вздохнул Марат.

– Да, твой отец рассказывал, что когда-то эта деревня принадлежала его деду, то есть твоему прадеду, происходившему из богатых татарских мурз. Здесь было его имение, стоял пруд в самом центре, окружённый фруктовым садом, где находились чайхана, баня, детские аттракционы. Сельчане гуляли там в праздники, устраивали свадьбы, разные игры. А в тридцатых годах твоего прадеда, как бая и врага народа, арестовали и отправили куда-то в сибирские лагеря, где он через год умер. Имущество его конфисковали. Правда, часть денег и драгоценностей дед будто бы успел закопать в своём саду, но где именно – никто не знает. На этом месте потом находилось правление колхоза, разные склады и подсобные помещения, а после реабилитации своего отца твой дед построил здесь новый дом, в котором мы с тобой и проживаем сейчас. А сад? Кто знает, где раньше проходили его границы и в каком месте были закопаны сокровища...

– Надо было поискать хорошенько, попросить помощи у специалистов, собрать побольше людей... – опять вздохнул Марат, будто сожалея, что слишком поздно явился на этот свет и не смог сам организовать поиски клада.

– Собрать людей... И что же? Перекопать весь сад? Выкорчевать с корнями деревья? А если там вовсе и нет никакого клада? Если это всего-навсего семейная легенда?

Она привлекла к себе сына и ласково потрепала его по щеке.

– Не будем предаваться пустым мечтаниям, сынок! И так у нас всё будет хорошо. Ступай переоденься, я разогрею обед – покушаем...

Сад благоухал. Озарённые ярким утренним солнцем деревья и кустарники словно светились своим внутренним светом, и казалось, сад был весь погружён в какое-то лёгкое зеленоватое марево, пронизываемое пробивающимися сквозь листву прямыми, как натянутые струны, лучами.

Сидя на своей излюбленной скамейке, Марат не спеша перебирал мысли, не дававшие ему покоя после состоявшегося накануне откровенного разговора с матерью. Ночью он долго не мог уснуть, ворочался в постели, всё вспоминая её глаза, наполнявшиеся то радостью, то растерянностью и грустью. Нет, он не обижался на мать, ни в чём её не упрекал. Просто сейчас он трезво и реально осмысливал сложившуюся ситуацию.

Да, конечно, Асию не могли не радовать успехи сына, блестящее окончание школы, открывающиеся перед ним возможности. Но, с другой стороны, Марат понимал, каково будет матери, больной, рано потерявшей мужа, обречённой, в случае его отъезда, на годы одиночества и безрадостного существования. Сад, огород, небольшая пенсия – вот всё, что у неё имеется, даже если она сумеет как-то поправить своё здоровье.

Марат вспомнил, что недавно мать говорила о настоятельном совете врачей поехать на санаторно-курортное лечение, но, к сожалению, из-за отсутствия денег ей пока приходится отказываться от этого.

Конечно, ради него она стерпит всё, пойдёт на любые лишения, продаст дом, переедет жить в какую-нибудь лачугу, сократит расходы на одежду и питание. Но разве может он, един-

ственный сын, принять от неё такую несправедливую жертву, воспользоваться добротой материнского сердца? Нет, и ещё раз нет! Уж лучше повременить с учёбой, отказаться от предложения профессора, чем обречь её на одиночество и страдания.

Так думал Марат, а сердце его сжималось от тоски и боли. Ему хотелось заплакать, но он лишь сжал губы и, облокотившись на колени, закрыл лицо руками. Он сидел некоторое время в этой позе, отгоняя от себя мрачные мысли, и вдруг почувствовал, как что-то легонько коснулось его плеча, обдав хорошо знакомым, приятным жаром. Он вздрогнул, поднял голову, и глаза его мгновенно засветились радостью и восторгом. Перед ним в воздухе, чуть покачиваясь и переливаясь цветами радуги, висел его старый друг – плавающий шар, гость из параллельных миров. Да, да, гость из параллельных миров – теперь Марат уже знал это точно!

Как же долго они не виделись! Почти два года! Марату хотелось броситься вперёд, взять шар в руки, прижать его к груди, покрыть поцелуями, но он понимал, что делать этого нельзя, что в их отношениях существуют правила и границы, нарушать которые не должна ни одна из сторон. И он, оставаясь на месте, стал просто ждать, ждать, что будет дальше.

Шар между тем, чуть поднявшись и совершив небольшой круг над его головой, медленно поплыл в глубь сада. Опустившись низко над землёй, он некоторое время петлял между деревьями, затем, остановившись недалеко от росшей особняком старой яблони, испустил в землю тонкий луч света и сразу же резко взмыл вверх.

Марат мгновенно вскочил со скамейки и, подняв голову, устремил взгляд в небо.

– Ты куда? – невольно вырвалось из его груди, но он успел увидеть лишь небольшую светящуюся точку, которая, мигнув несколько раз, тут же исчезла из вида.

Юноша ещё долго стоял, с грустью всматриваясь в синеву неба, потом, поняв, что друг его назад уже не вернётся, медленно побрёл к тому месту, где, зондируя лучиком землю, оставался плавающий шар. Он с удивлением увидел, что трава в этом месте чуть обожжена и слегка примята. Некоторое время он стоял, не зная, что делать, молча потирая пальцами подбородок, но потом вдруг весь встрепенулся и осенённо хлопнул себя ладонью по лбу. Боже мой! Как же он сразу не догадался! Ведь это была подсказка! Это и есть то место, где зарыт клад!

Не раздумывая ни секунды, Марат побежал в сарай, схватил первую попавшуюся под руку лопату, быстро вернулся к помеченному месту и, прочертив круг по земле, принялся копать, складывая комья земли в одну кучу. Копал он рьяно, не жалея сил и с каждым движением углубляясь в землю, словно спасающийся от опасности крот, пока лопата его не звякнула о что-то твёрдое. Ещё несколько минут напряжённого труда – и из земли показался чуть накренившийся на бок, обитый железом сундучок с навесным замком и металлической ручкой на крышке. Подкопав хорошенько края, Марат хотел вытащить его из земли, но он не поддавался. Тогда юноша, снова сбегав в сарай, принёс металлический ломик, с помощью которого без труда взломал замок и открыл крышку сундучка. Он не поверил своим глазам. Всё вокруг будто поплыло и закружилось.

Сундучок был полон драгоценностей. В одной его половине, сверкая металлическим блеском, лежали жёлтые монеты и слитки, в другой – переливающиеся цветными камнями бусы, ожерелья и, бог знает, ещё какие украшения.

Буквально опешив от увиденного и даже забыв закрыть крышку сундучка, Марат стремглав помчался к дому. Влетев, как метеор, в прихожую, он, задыхаясь от волнения и совсем забыв о болезни матери, закричал:

– Мама, мама, скорее сюда!

Асия, выйдя к нему навстречу, уставилась испуганными глазами.

– Что случилось, сынок?

– Я нашёл, нашёл его, мама! – уже с радостью выпалил Марат и, взяв мать за руку, скорее потащил её в сад.

Когда они подошли к выкопанной яме, Асия, увидев сундучок с его содержимым, побледнела, зашаталась и, с трудом удерживаясь на ногах, прошептала обескровленными губами:

– Беги, сынок, беги скорее домой и звони Ахату Мунировичу. Пусть приедет сюда со своими людьми!

Ахат Мунирович прибыл через час. Он приходился Марату двоюродным дядей по линии отца и работал заведующим райфинотделом. Вместе с ним приехали немолодая полная женщина, модно одетый солидный мужчина и участковый инспектор милиции.

Марат с матерью, растерянные и обескураженные, всё это время сидели в саду, дожидаясь прибытия гостей.

Ахат Мунирович на сей раз был официален. Поздоровавшись, представил хозяевам приехавших с ним людей как членов комиссии по регистрации и оценке найденного клада, затем, подойдя к яме, где находился сундучок с открытой крышкой, лихо присвистнул и, немного помолчав, поджав выделявшиеся под тонкими усиками губы, многозначительно произнёс:

– М-да... Капитан Флинт, увидев эти вещички, наверное, навсегда забыл бы про свой злополучный, затерянный в океане остров...

Марат, с ранней юности любивший и увлечённо читавший произведения Роберта Льюиса Стивенсона, был мысленно согласен со своим дядюшкой, хотя и не представлял ещё в силу своей молодости и неведения, что сулят им эти десятилетиями лежавшие в земле сокровища.

Комиссия долго и скрупулёзно перебирала и осматривала находившиеся в сундучке драгоценности, аккуратно записывая каждую вещь в свои бумаги, и эта скучная монотонная работа длилась целых два часа. Когда она наконец была завершена, члены комиссии составили акт, который вместе с другими документами также подписали Марат и его мать, всё ещё не оправившаяся от волнения. На руки им выдали копии документов. Лишь после этого Ахат Мунирович, подойдя к Марату, дружески обнял его и, не скрывая своего удовольствия, сказал:

– Ну, поздравляю! По закону весь клад принадлежит вам. Если среди ценностей окажутся предметы, относящиеся к памятникам истории и культуры, то они перейдут к государству, но вам будет возмещена половина их стоимости. Завтра мы вызовем экспертов, и они дадут заключение. Я сообщу вам о результатах. Всё будет хорошо, не беспокойтесь.

После этого он, чуть прищурившись, посмотрел племяннику в глаза.

– Слышал, на отлично закончил учёбу? Молодец! Куда собираешься поступать?

– Не знаю пока... Приглашают в Москву, в авиационный институт... – неопределённо пожал плечами Марат.

– А что тут не знать? Езжай, учись! – развёл руками родственник. – Сейчас тем более. На те деньги, которые вы получите, думаю, можно будет хорошую квартиру в Москве купить и не один год безбедно прожить. Так-то!

По-свойски подмигнув на прощание племяннику и его матери, Ахат Мунирович кивнул своим попутчикам.

– Погодите! Зайдёте, хоть чайку попьёте! – засуетилась Асия, когда члены комиссии направились через двор к воротам.

– Нет, нет! Не беспокойтесь! – решительно покачал ладонью Ахат Мунирович. – У нас много срочных дел. Как-нибудь в другой раз! До свидания!

Когда гости ушли, Асия, не сдержавшись, расплакалась, обняла сына и, прижав его голову к своей груди, сглатывая слёзы, тихо, полушёпотом сказала:

– Это твой отец, сынок. Это от него приходит помощь, когда нам бывает очень трудно...

Эссина

Марат, сложив покупки в пакет и выйдя из магазина, направлялся к стоявшему на краю дороги автомобилю, когда кто-то негромко окликнул его. Повернувшись, он увидел шагающего к нему рослого, широкоплечего парня, на лице которого сияла дружеская улыбка. Чёрт побери, да ведь это же Атлас, его школьный товарищ и одноклассник, с которым они не виделись больше полутора лет!

Марат двинулся ему навстречу, и друзья, сойдясь, крепко обнялись, смеясь и тормоша друг друга.

– Наконец-то объявился! – проворчал с напускной обидой Атлас. – А то, как ни приедешь в деревню, всё одно и то же слышишь: «Марат в Москве, Марат на практике, Марат за границей». Деловым больно стал...

– Уж чья бы корова мычала... – не остался в долгу Марат. – Без тебя, говорят, ни одна археологическая экспедиция не обходится, наверное, не оставил ни единого городища, скита и кургана, перелопатил всё до последнего камешка!

– Был, был такой грех. Скитался до упаду, – с добродушной улыбкой промолвил Атлас. – А нынче вот решил отдохнуть от этих экспедиций. Устроился на период летних каникул тренером в один спортлагерь. Здесь, недалеко от райцентра. Ты знаешь, я ведь не только будущий археолог, но и чемпион города по кикбоксингу... Ну а ты что здесь делаешь?

– Приезжал к дяде, вручил ему подарки, а по пути вот заехал в магазин. А ты, наш чемпион, куда ты направляешься, если не секрет?

– На автовокзал, домой еду, в село. Родители просили помочь по хозяйству.

– Так ты сейчас в Старые Кизякляры? – обрадованно спросил Марат. Он кивнул на стоящую белую «Волгу». – Ну тогда... тогда прошу в автомобиль!

– Твоя тачка? – с многозначительной улыбкой посмотрел на него Атлас. – Шикарно живёшь! Но я рад, честное слово, рад. Ведь вы с матерью так бедствовали, столько пережили за все годы...

Спустя несколько минут приятели, оставив позади районный центр, мчались уже на автомобиле по ровной, накатанной дороге в направлении своего села.

– Кстати, Марат, как чувствует себя Асия-апа? – спросил Атлас, желая, видимо, продолжить начатый возле магазина разговор. – Я слышал, она ездила куда-то на лечение. Ей пошло это на пользу?

– Спасибо, Атлас! – с благодарностью посмотрел на приятеля Марат. – Да, действительно, в прошлом году она ездила лечиться в Крым. Сразу почувствовала улучшение, но зимой на неё снова напала хандра. Возможно, ты слышал, я купил в Москве двухкомнатную квартиру, забрал к себе маму, но, пробыв у меня зиму, она затосковала, и я вынужден был привезти её обратно в село. В последнее время с ней была моя двоюродная сестра, её племянница, ухаживала за ней. Мать как будто поправилась, но ты же знаешь, всякий успех требует закрепления. Поэтому я уговорил их поехать нынче на отдых и лечение в Карловы Вары. Сейчас они находятся там и, кажется, прекрасно себя чувствуют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.